

НАБЛЮДАТЕЛИ В РЕГИОНЕ: НАБРОСКИ К АНАЛИЗУ

Александр Фудин

Александр Фудин – аспирант Института социологии РАН, участник Независимой исследовательской инициативы (НИИ митингов). Адрес для переписки: ул. Островитянова, 35а, кв. 1017б, Москва, 117279, Россия. afudin13@gmail.com.

Хочу выразить искреннюю благодарность всем наблюдателям, рассказавшим о своем опыте участия в выборах; Александру Бикбову, чьи рекомендации обогатили текст аналитическими находками и составили саму его структуру; и Олеге Кирчик – за ценные комментарии, позволившие уточнить важные положения исследования.

Ключевые слова: Россия, политические выборы, наблюдатели на выборах

Требования честных выборов, звучавшие рефреном в пространствах столичных площадей и улиц между декабрем 2011-го и мартом 2012-го года, а также в активной медийной и сетевой полемике, привели к новому явлению, которое сейчас маркируется как «движение наблюдателей». Многие респонденты, опрошенные в ходе московских митингов, выразили желание стать наблюдателями на выборах президента. Некоторые коллеги по Независимой исследовательской инициативе также решили принять участие в этом виде общественного активизма. Они делились со мной впечатлениями от пройденной подготовки и от того, с чем пришлось столкнуться на избирательных участках. Но если о выборах в столице и крупных городах было достаточно сведений, то о происходившем в небольших провинциальных городах и тем более селах дефицит информации ощущался явно. Я никогда не был наблюдателем на выборах и не имел активистского опыта. Тем не менее, у меня возникло предположение, что характер и условия этого «движения» должны различаться в Москве и других крупных городах, с одной стороны, и в регионах с совершенно иными политическими, социальными, культурными, экономическими характеристиками – с другой. Так появился интерес к этой теме и исследовательский вопрос: «Как наблюдение за выборами проходило в регионах?», и, благодаря контактам в одном из субъектов РФ, был начат сбор интервью.

На момент написания этого текста были взяты методом «снежного кома» интервью у пятерых наблюдателей, участвовавших в выборах президента РФ. Все пятеро – студенты разных специальностей одного из местных вузов. Для кого-то из них это стало первым опытом общественного активизма и вообще первыми вы-

борами, на которых они получили право голоса. Все пятеро выросли в этом регионе (населением около миллиона человек). Его бюджет формируется в основном за счет федеральных дотаций, а трудности с трудоустройством и небольшие зарплаты приводят к тому, что трудовая миграция (временная или постоянная) становится распространенным явлением как среди молодого, так и более старшего трудоспособного населения. Местную политическую жизнь нельзя охарактеризовать наличием протестных настроений. Между тем, по оценкам респондента, наблюдавшего за голосованием как на парламентских, так и на президентских выборах, в декабре в столице региона было 50 наблюдателей, а в марте уже 300.

Дополнением к краткой социальной и «протестной» характеристике региона может служить оценка этими пятью наблюдателями своей социальной принадлежности. Как и у большинства участников московских протестных событий (Лункин 2012), предложение соотнести себя с каким-то социальным классом, слоем, группой, вызывает у них трудности. Лишь девятнадцатилетний респондент, призер олимпиад по истории, будущий лингвист, ставит почти социологический диагноз современному социальному устройству:

В России классы размыты, есть элита, есть все остальные. К элите мы не относимся, значит, соответственно, мы все остальные. Потому что средний класс больше развит в крупных городах. В маленьких городах весьма сложно вычленишь какую-то социальную группу. Поэтому мы – все остальные (07.06.2012, муж., 19 лет, студент-гуманитарий).

Далее я постараюсь показать, какое влияние оказывает социальная и географическая дифференциация между столицей страны и регионом (а также внутри самого региона) на процесс наблюдения за выборами. Анализ этих различий коснется, по очереди, каждого из трех этапов деятельности наблюдателей: до выборов, на выборах и после выборов.

ПОДГОТОВКА К НАБЛЮДЕНИЮ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ САМООБРАЗОВАНИЕ И ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ ЗАНЯТИЯ

Подготовка – ключевой этап в формировании навыков наблюдения, наравне, собственно, с самим днем наблюдения. В ходе подготовки наблюдатель может получить знания о том, с чем ему предстоит столкнуться на избирательном участке. Это касается как самой «оптики», то есть практического владения деталями процедуры, на которые наблюдатель должен обращать внимание во время голосования, так и моральной и юридической сторон. К последнему относится знание своих прав, типичные виды нарушений и «вбросов», а также элементарные правила взаимодействия на избирательном участке – вплоть до распространявшегося накануне выборов предостережения «независимых» наблюдателей не принимать из рук членов комиссии пищу и чай, так как в них могут быть добавлены слабительное или снотворное средства (Сысоев 2012).

Арсений Сысоев (2012), участник НИИ митингов, работавший наблюдателем в Москве, выделяет три формы подготовки в ходе своего обучения в рамках проекта

«Гражданин наблюдатель»: 1) предварительная встреча в штабе организации «Мемориал», на которой рассказывали об основных целях наблюдения на выборах в целом. Любопытно, что на данном этапе ему показалось, «что это в некоторой степени продолжение митинга, однако на этот раз праздничной атмосферы не было, люди были собраны, внимательны, некоторые немного взволнованны»; 2) четырехчасовой тренинг, проводимый участником выборов 4 декабря, настроивший на «ад»; 3) ролевая игра в выборы, на которой все обучаемые были разделены на «злых фальсификаторов» и «честных наблюдателей».

Культурный капитал и опыт участия в разных видах общественного активизма могут действенно компенсировать отсутствие подготовительных курсов. Так, другой наш респондент, наблюдатель из Москвы, профессионально занимающийся историей и политической журналистикой, оказался способен пресечь серьезное нарушение (отсутствие печати), при том что из-за своей занятости не нашел времени не только посетить тренинги, но даже специально прочесть какие-то материалы в сети. Но этот случай не может быть назван типичным.

А как велась подготовка в регионе? Респондент, проводивший наблюдение в районном центре, сообщает: *«Я до этого просто закон о выборах читал. Дополнительно перепрочитал его там. Смотрел несколько [видео]лекций, которые Росвыборы делали. Но в основном это, да, самоподготовка»*. – «Никаких курсов, лекций?» – «Нет. А где бы я их посетил?» (07.03.2012, муж., 20 лет, студент-гуманитарий). Другие респонденты, помимо самостоятельной подготовки, упоминали лекции (в среднем трехчасовые) в местных штабах КПРФ и ЛДПР. На них лекторы рассказывали о наборе необходимых документов, правах и обязанностях наблюдателей, а также раздавали готовые бланки для различных видов нарушений, в которых оставалось только внести номер участка, дату и личные данные наблюдателя. Психологическая «тренировка», распространенная в Москве, заменялась неформальным общением друг с другом и наблюдателями, участвовавшими в выборах в Государственную думу.

Итак, подготовка наблюдателей в столице отличалась от подготовки, которую могли пройти их региональные коллеги. В первом случае это был централизованный процесс, организованный наблюдательской сетью, занимающий несколько дней и включающий юридический и психологический тренинги. Во втором случае подобные наблюдательские сети отсутствовали, и подготовкой наблюдателей занимались только местные отделения наиболее представительных политических партий. Причем эта подготовка была заметно короче по времени и менее разнообразна по содержанию, что приводило к преобладанию «теоретического» самообразования.

ВЫБОР УЧАСТКА: ПРИНЦИП БЛИЗОСТИ

Как респонденты выбирали участок для наблюдения? Этот вопрос может стать предметом отдельного исследования в контексте массового движения наблюдателей: согласно записям в блогах, были те, кто намеренно шел наблюдать на участок в своем районе проживания, были те, кто «бросались в омут», предлагая наблюдатель-

ской сети распределить их на участки из соображений максимальной пользы, встречались и те, кто специально «искал трудностей», выбирая участки, уже отметившиеся серьезными нарушениями или грубым обхождением с наблюдателями (например: Винькова 2012; Правниченко 2012; Burivkykh [имя пользов.] 2011; Harchik [имя пользов.] 2011). В нашем случае, когда между индивидуальными наблюдателями и системой избирательных участков не было посредника в виде сети наблюдательских ассоциаций, выбор подшефного избирательного участка производился, так или иначе, с учетом места проживания или расположения родительского дома.

В день выборов, который был выходным, часть опрошенных студентов возвращалась в небольшое село или районный центр, где они выросли и где продолжают жить их родители. Студенты, постоянно живущие в столице региона, выбирали участки вблизи своих квартир. Один из них рассказал в интервью, что среди мотивов выбора места наблюдения недалеко от дома была возможность «поймать нарушителя за руку»:

Я решил попробовать сам, посмотреть, я хотел даже кого-нибудь за руку поймать. [...] На том же участке у меня друг был оператором КОИБа¹. И я знал человека, который [...] должен был «сделать» нужное количество, скажем так. Поэтому я шел, зная его даже внешне, потому что на веб-камере я его видел за два дня до этого (13.06.2012, муж., 21 год, студент естественно-технической специальности).

Выбор избирательного участка по принципу близости к дому отражает различия в социально-биографических характеристиках респондентов, «высвечивая» их социальный капитал. Так, наблюдатель, работавший на участке в столице региона, – неоднократный победитель школьных олимпиад по истории, это дало ему возможность в упрощенном режиме поступить на соответствующую специальность. Он учится на престижном факультете иностранных языков, староста своей группы, регулярно занимается спортом, состоит в партии «Яблоко». На досуге любит читать историческую литературу и военные мемуары. (Артикулированная характеристика социальной структуры современного российского общества, приведенная в начале текста, принадлежит именно ему.) Родительское отношение к его участию в электоральном процессе выражается в тезисе: «Хочешь – иди. Не хочешь – не иди. Главное: не нарушай закон». Родители работают в правоохранительных органах.

Для сравнения: наблюдатель, присутствовавший на сельском избирательном участке, увлекается спортом, раньше играл в спортивное «Что? Где? Когда?» и другие интеллектуальные игры. Сочиняет шутки для юмористического сетевого сообщества, посвященного актуальным событиям в регионе. К моменту выборов проживает в студенческом общежитии. *«Материально положение держится полностью – не полностью, а в основном на родственниках из Москвы. Родители*

¹ КОИБ, «комплекс обработки избирательных бюллетеней» – урна для голосования с электронным учетом и распознаванием бюллетеней для голосования; одной из ее функций является снижение возможностей фальсификации голосования.

получают очень мало, вообще очень мало. Отец работает в лесничестве, тяжелая физическая работа, у него спина надрывается» (07.03.2012, муж., 20 лет, студент-гуманитарий).

«ТРАВМА НАБЛЮДАТЕЛЯ»: ТЕХНИЧЕСКАЯ И МОРАЛЬНАЯ СТОРОНЫ

Наблюдатель, идущий на выборы, заранее готов к тому, что столкнется с нарушениями. В каком-то отношении это единственный смысл его деятельности, особенно в такой проблематичной электоральной демократии, как российская. Поэтому в роли наблюдателя с самого начала заложены трудности ее исполнения, конфликты с недобросовестными участниками выборов или членами избирательной комиссии, переживания, связанные с фиксацией нарушений; отчасти (чему существует множество публичных свидетельств) – попытки лично предотвратить нарушения. Весь этот опыт, потенциально присутствующий в деятельности любого наблюдателя и нередко актуализирующийся в реальной практике наблюдения на выборах, можно суммировать в понятии «травмы наблюдателя»². С чем столкнулись на выборах респонденты, какой травматический опыт приобрели и как пытались эту травму нормализовать?

Вот свидетельство студента-гуманитария, проводившего наблюдение в родном селе:

Там глава администрации сельской, он, как бы, не причастен был к избирательной комиссии, но находился. У него вся семья была задействована. Сестра у него трижды с разными паспортами, а у нее был паспорт, в котором была ксерокопия чьих-то документов, кто точно не придет на выборы. И вот она раз пять, наверное, так проголосовала при мне. Я предупреждал. Сказали «ладно», но продолжали. Там и учителя участвовали. Маскарад настоящий. Из-за веб-камер кто-то капюшон накинёт, кто-то пальто поменяет. Вот. В общем, в итоге я написал заявление. Я спокойно написал заявление по образцу от ЛДПР такое. Написал в двух экземплярах. Принес туда и глава – не глава, а председателю избирательной комиссии предоставил. Он говорит: «Я не могу так принять». Я говорю: «Вы обязаны принять». Он принял. Потом позвал главу администрации. Он угрожал, что типа проблемы у тебя с семьей здесь будут, в институте проблемы будут, у брата в институте проблемы. Вот. Я не поддался сначала. Вот. Потом приехали милиционеры из района. Из района приехал тот, кто наблюдал за районом, из N** [столицы региона]. Они вели со мной практически такую же беседу. Мотивы мои узнавали, деньги или что там. Я, то есть, не забирал свое заявление. И в итоге они докопались до направления от ЛДПР. У всех людей, которые тоже были наблюдателями, у них были печати, у меня только подпись. Я позвонил, там, в штабе трубку не брали. Позвонил [цитировавшемуся выше наблюдателю в районном центре], он говорит, что «это все гон, сиди дальше». Ну, они, короче, вынесли заявление, пригласили мою мать. Мать легко поддалась на эти угрозы. Вот. Давление

² Я благодарю Александра Бикбова, который в ходе работы над текстом предложил это понятие, позволяющее более глубоко проблематизировать опыт наблюдателей.

было нешуточным. Прямо был нагружен. Направление. В итоге они всей избирательной комиссией вынесли решение, что я там самозванец и должен покинуть участок. Я с этой бумажкой ушел оттуда. Но мать еще осталась. С ней поговорили, она тайком взяла это заявление и принесла обратно. Я остался с голыми руками (07.03.2012, муж., 20 лет, студент-гуманитарий).

Другой молодой человек, наблюдавший за выборами в районном центре численностью около 20 тысяч человек, так рассказывает об испытанном:

Без эмоций. Все спокойно. Все скрупулезно. Усталость под конец была. Потому что я и ходил [с переносной урной для голосования на дому]. И морально меня к этому времени начали очень сильно подавливать, что более мне не понятно. Слов подобрать не могу. Цинично, подло, паскудно – родителей стали давить. Ко мне домой приходили (07.03.2012, муж., 20 лет, студент-гуманитарий).

Как можно видеть, «травму» определяют или даже усиливают такие слагаемые, как индивидуальная решимость наблюдателя «идти до конца», его неуступчивость и реакция официальных посредников в процедуре выборов на столь неожиданное поведение своего односельчанина. Поведение участников нарушения по отношению к непреклонному наблюдателю условно можно маркировать как «усовестливание». И наблюдатель в селе, и наблюдатель в районном центре, упоминают такие определения и фразы, услышанные в свой адрес: «Кляузник», «Да, ладно. Пускай. Система такая», «Что тебе, плохо живется?», «Сколько тебе заплатили?». Последний вопрос задал наблюдателю в районном центре неизвестный мужчина, за ним поступило предложение заплатить в два раза больше.

В отличие от первых двух респондент, проводивший наблюдение в столице региона, попал в абсолютно незнакомое для него пространство и описывает процесс выборов скорее позитивно:

У нас были памятки, мы были подготовлены. Мы еще с самого утра обратились: «Давайте проведем чистые выборы». Иначе у вас будут, у вас и у нас будут, скажем так, неприятности с вышестоящими инстанциями. Если что, мы молчать не будем. Они: «Все, все». И выборы были проведены хорошо. То есть, довольно рискованный ход, но сработал. Никаких провокаций, ничего у нас не было. Все тихо, спокойно. Люди были тоже очень радостные... Ходили, как на праздник (07.06.2012, муж., 19 лет, студент-гуманитарий).

В этом случае мы не наблюдаем «травмы наблюдателя», которую можно было ожидать от участка, выбранного по принципу «чтобы недалеко ходить». Интервью со студентом содержит детали, объясняющие спокойный ход голосования. Во-первых, респондент проживает в центре города. Здесь же располагался избирательный участок: в центре риск грубых нарушений ниже, а уровень контроля за процедурой выше, в том числе со стороны самих членов избирательной комиссии. Во-вторых, участок был оборудован КОИБом (одним из пятнадцати, функционирующих в регионе). Его наличие существенно снижает технические возможности

нарушений. И, в-третьих, кроме респондента там были и другие наблюдатели, которых нельзя отнести к презрительно называемому активными наблюдателями типу «наблюдатели-мебель»: *«Нас было очень много. Поэтому мы по очереди бежали на первый этаж, проверяли нет ли каруселей, нет ли каких-либо агитаций»* (07.06.2012, муж., 19 лет, студент-гуманитарий).

Таким образом, проведенное исследование позволяет предположить, что опыт наблюдения у опрошенных нами молодых людей был тем более травматичен, чем меньше по размеру населенный пункт и чем скромнее социальное положение их семьи (и, соответственно, чем меньше объем социального капитала, которым они располагают). В условиях небольшого населенного пункта давление на наблюдателя дополняется мощным давлением на его родных. Попав в трудную ситуацию на участке, респонденты созванивались с теми из своих коллег, с кем сложились доверительные отношения, или с друзьями, вместе с которыми решили «попробовать» проконтролировать честность выборов. Но это была не полноценная поддержка «наблюдательской сети»³, а корпускулярная взаимовыручка, сопереживание отдельных индивидов, связанных предыдущим знакомством или дружбой.

ПОСЛЕ ВЫБОРОВ: ПОСЛЕДСТВИЯ «ТРАВМЫ» И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЛАНЫ

Прочитанное в сети о нарушениях на парламентских выборах находит реальное подтверждение у наблюдателей, рискнувших пойти на конфликт с нарушителями. Если опыт предыдущего общественного активизма мал или вовсе отсутствует, то избирательный участок становится местом формирования нового критического, экспрессивно окрашенного знания того, «как на самом деле это делается»:

Из-за того, чтобы на участке было восемьсот шестнадцать человек, чтобы все было нормально, ведь даже по N**ому району процент составляет, ну зачем так суетиться, это же, для чего? [Произносит это очень возбужденно] Мне вот это непонятно. Я понял. Ну не то, что понял. Я это знал. Снова подтвердились мои догадки то, что сейчас система – это в худший период Советского Союза. Это гигантская амбразура делается для того, чтобы как-то выслужиться, чтобы снять ответственность, перекинуть все друг на друга. А в итоге она ничего не делает, она недействительна, и не может никак повлиять. То есть, даже банально меня не смогли задавить и вывести. Потому что когда хотели вывести, либо я сразу отказывал, либо я говорил, что имею на это право, и поэтому идите вы на хер (07.03.2012, муж., 20 лет, студент-гуманитарий).

«Честные выборы» в трактовке наших респондентов – это выборы, где отсутствуют нарушения (по крайней мере, влияющие на количество голосов за того или иного кандидата). Именно фиксация нарушения становится апогеем наблюдательской практики, экстремальным тестом для знаний, полученных при подготовке. Наблюдатели обнаруживают, что в словесных баталиях с нарушителями могут

³ Как известно, в сфере профессиональных и околопрофессиональных контактов слабые связи эффективнее сильных (Granovetter 1973).

использовать положения избирательного законодательства и способны юридически обосновать свое поведение (к примеру, правильно составить заявление). Они удивлены, что, несмотря на агрессивное давление, их боятся. Респондент, имевший, на наш взгляд, самый «травматичный» опыт наблюдения в селе, вспоминает: *«Кто-то подошел потом, когда я уходил оттуда, из избирательного участка, чтобы заявление писать, сказал: “Тебя только и побаиваются”»* (07.03.2012, муж., 20 лет, студент-гуманитарий).

Полученная травма и критическое знание могут вести некоторых наблюдателей к отказу от подобных опытов в будущем; кого-то, напротив, такой опыт подталкивает к более активному и решительному участию в общественной жизни. Прояснить, какие последствия для гражданской активности может иметь нетривиальный политический (травматический) опыт, позволяет вопрос о дальнейших планах наблюдателей.

Респонденты, опрошенные в ходе нашего исследования, заявили о своей готовности принять участие в следующих выборах, но при определенных условиях:

- *«Если бы выборы состоялись завтра, то сто процентов»* (13.06.2012, муж., 21 год, наблюдатель в столице региона, студент естественно-технической специальности).
- *«Безусловно, есть. Только мне кажется, если они будут. А то династия Путина, какие выборы? [Смеется] А так да. Я постараюсь тогда с правом решающего голоса»* (07.03.2012, муж., 20 лет, наблюдатель в районном центре, студент-гуманитарий).
- *«Да. Только я буду, точно не буду работать у себя в селе. В соседнем или лучше даже в городе»* (07.03.2012, муж., 20 лет, наблюдатель в селе, студент-гуманитарий).
- *«Как появится какая-то возможность, какая-либо перспектива. По мере возможностей. Разве кто-нибудь планирует стать губернатором?.. Никто»* (07.06.2012, муж., 19 лет, наблюдатель на участке в центре региональной столицы, оборудованном КОИБом, студент-гуманитарий).

Успех или фиаско в обеспечении честности электорального процесса во всех случаях явно соотносятся с эмоциями, испытываемыми после выборов. Так, показательно, что наблюдатель, «закрывавший» участок в районном центре, в школе, где учился два последних года, «не питал особых иллюзий» по поводу выборов. Но давление, оказанное на его семью, и попытка подкупа 4 марта вызвали депрессию и чувство разочарованности. После интервью он уходит на курсы английского языка, летом уезжает работать в США и признается, что после выборов президента мысли о переезде за рубеж посещают его все чаще и чаще.

Наблюдатель, попавший на участок с КОИБом в центре города, едет вместе с ним, но уверенно заявляет, что «хотел бы жить только в этой стране», то есть в России.

Респондент, целенаправленно выбиравший участок с высоким потенциалом нарушений, был также разочарован результатами своей деятельности как наблюдателя: в день выборов, сосредоточив внимание на члене избирательной комиссии, осуществлявшем, по словам его друга, «вбросы» на предыдущих выборах, он

упустил из виду переносную урну, в которой оказалось подозрительно большое количество голосов за одного из кандидатов. Он разочарован ситуацией в стране в целом и открыто говорит, что без раздумий переехал бы за рубеж или в Москву. И такой шанс у него есть. Респондент успешно занимается наукой на техническом факультете, и по окончании вуза перед ним открывается возможность учебы в зарубежной или столичной аспирантуре.

Наблюдатель, контролировавший выборы в селе, планирует на каникулах работать в Москве. Ему предстоит наладить отношения с матерью.

* * *

Промежуточный анализ собранного на данный момент эмпирического материала показывает, как коллизии избирательного процесса повторяют дифференциацию, заключенную в географических и социальных пространствах. Эта дифференциация существует не только между федеральным центром и регионом, но и внутри самого региона. Избирательные участки размещаются в школах и других учреждениях бюджетной сферы⁴, инкорпорированных в местное географическое и социальное пространство, с характерными для них неравенствами, такими, например, которые маркируют упомянутые выше «хороший» участок в центре города и «трудный» – в малом селе. Участок в селе несет в себе модель самого места проживания, настолько компактного, что все жители знают друг друга лично, как и участок, расположенный в центре региональной столицы – центре не только географическом, но и политическом, а значит, видимом для СМИ, общественности и федеральной власти. Наблюдатель, твердо решивший дать ход заявлению о нарушениях в сельском участке, сталкивается со всем давлением, которое может оказывать маленькое сообщество, где он вырос. В то время как участок в центре столицы региона, и без того аккумулирующий преимущества своего особого положения, оказывается снабжен электронной системой против фальсификаций и притягивает активных наблюдателей, более тщательно отслеживающих нарушения в менее «проблемном» месте. Можно видеть, что связка пространственного и социального измерений на выборах ведет к дифференциации не только избирательных участков, но и опыта наблюдателей, вероятности получения ими «травмы наблюдателя», а в конечном счете – к дифференциации всего пространства голосования и неравенству демократии, если можно говорить об этом в условно количественных терминах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Винькова, Ксения. 2012. «Исповедь наблюдателя: как умирают кумиры и рождаются враги. Законное беззаконье на участке 3185». *Блог в «Живом журнале»*. Просмотрено 20 августа 2012 г. (<http://gm2011vkv.livejournal.com/647.html>).
- Лункин, Роман. 2012. «Митинги как машина знания. Социологи об исследовании новых форм политической активности и об их поиске “креативным классом”». *Среда. Некоммерческая исследовательская служба*, 14 мая. Просмотрено 5 июля 2012 г. (<http://sreda.org/2012/mitingi-kak-mashina-znaniya-sotsiologi-ob-issledovanii-novyih-form-politicheskoy-aktivnosti-i-ob-ih-poiske-kreativnyim-klassom/4313>).

⁴ Избирательные комиссии формируются из работников этих государственных институций.

- Правниченко, Ирина. 2012. «В наблюдатели я решила пойти еще в декабре...». *Электронное периодическое издание «Лента.ру»*, 10 апреля. Просмотрено 20 августа 2012 г. (<http://lenta.ru/articles/2012/04/09/nablyudateli>).
- Сысоев, Арсений. 2012. «О перспективах движения наблюдателей». *Институт «Коллективное действие»*, 9 марта. Просмотрено 5 июля 2012 г. (<http://www.ikd.ru/node/18045>).
- Burivykh [имя пользов.]. 2011. «Коротко». *Блог в «Живом журнале»*. Просмотрено 20 августа 2012 г. (<http://burivykh.livejournal.com/64708.html>).
- Нарчік [имя пользов.]. 2011. «Выборы, выборы». *Блог в «Живом журнале»*. Просмотрено 20 августа 2012 г. (<http://narchik.livejournal.com/106850.html>).
- Granovetter, Mark. 1973. "The Strength of Weak Ties." *American Journal of Sociology* 78(6):1360–1380.